



Оглавление

Часть I. КАРТИНКИ ИЗ ЖИЗНИ ГОРНОГО СЕЛА (1963 г.)

Глава 1. Природа и люди	7
Глава 2. Заведующая	18
Глава 3. Маньгэн и Лотос	26
Глава 4. Хозяин Висячей башни	37
Глава 5. Пиршества духа и «Посиделки»	46
Глава 6. Помешанный Цинь	57
Глава 7. Солдат с севера	69

Часть II. ОБИТАТЕЛИ ГОРНОГО СЕЛА (1964 г.)

Глава 1. Четвертая постройка	81
Глава 2. В Висячей башне	89
Глава 3. Бабы счеты	102
Глава 4. Куры и обезьяны	112
Глава 5. Снова Ли Маньгэн	123
Глава 6. Заведующий Гу	132
Глава 7. Молодая вдова	145

Часть III. ЛЮДИ И ОБОРОТНИ (1969 г.)

Глава 1. Новые несчастья	163
Глава 2. Чудесный рассказ о паломничестве	177
Глава 3. В пьяном угаре	191
Глава 4. Феникс и курица	201

Глава 5. Среди «Черных дьяволов».....	214
Глава 6. Ты ведь умная девочка!	229
Глава 7. Люди и оборотни	241

Часть IV. НОВОЙ ВЕСНОЙ (1979 г.)

Глава 1. Река Лotosовая и ручей Нефритовых листьев	259
Глава 2. Ли Госян переезжает.....	268
Глава 3. Сельский староста Ван.....	274
Глава 4. Названный отец Гу Яньшань.....	283
Глава 5. Висячая башня рухнула	293
Глава 6. Ты всегда в моем сердце.....	301
Глава 7. Отзвуки эпохи	313

Часть I.
КАРТИНКИ ИЗ ЖИЗНИ ГОРНОГО СЕЛА (1963 г.)





Глава 1

ПРИРОДА И ЛЮДИ

Село Фужунчжэнь — Лотосы — раскинулось в не-
большой, но известной долине, где сходятся границы
сразу трех провинций: Хунань, Гуандун и Гуйчжоу. Здесь,
среди гор Улиншань — Пяти кряжей, издревле останав-
ливались торговые люди, собирались герои и разбой-
ники, происходили ожесточенные сражения. По одну
сторону от села течет река, по другую — горный ручей,
чуть ниже впадающий в эту реку, так что село с трех
сторон окружено водой и стоит будто на длинном полу-
острове. На юг через реку пролегает путь в Гуандун; на
запад, через каменный мост над ручьем, тянется дорога
в провинцию Гуанси.

Не знаю уж, в какие времена местные правители —
то ли желая *продемонстрировать* свою гуманность, то
ли мечтая войти в историю — повелели посадить не-
сколько черенков древесного лотоса¹, и с тех пор он по-

¹ Так его осмысливают и именуют в Китае, а научное название
этого растения — гибискус. Оно принадлежит к семейству мальвовых
и может существовать в виде дерева, кустарника или травы. Цве-
ты у него обычно крупные, ярко окрашенные. Из древесных видов
гибискуса наиболее известны китайская роза (кленок) и сирийский
гибискус, культивируемый также в Крыму, на Кавказе и в Средней
Азии. — *Здесь и далее прим. перев.*

крыл здесь все берега, став главным украшением села. Более того, по приказу правителей крестьяне выкопали под горой запруду, посадили водяные лотосы и развели рыбу, превратив запруду в нечто подобное чиновничьему подсобному хозяйству, где и семена лотоса, и его корни — все шло в пищу. Каждый раз, когда в запруде расцветают водяные лотосы, а на берегах — древесные, долина, окруженная горами, кажется самым богатым краем на свете.

Из древесного лотоса — его корней, стеблей, цветов, кожуры — делаются преимущественно лекарства; у водяных лотосов находят применение даже огромные, похожие на позеленевшие медные гонги листья: на них отдыхают стрекозы, лягушки, скапливается красивая, словно прозрачные жемчужины, роса. Носильщики в дороге подогревают на этих листьях еду, торговцы или женщины, спешащие на базар, прикрывают ими свои бамбуковые корзинки, а крупные лягушки, называемые бычьими, не только восседают на листьях лотоса, но и скрываются под ними от жары, как под соломенными шляпами. В общем, все пользуются лотосами, и каждый по-своему. Не мудрено, что река здесь называется Лotosовой, ручей — ручьем Нефритовых листьев, а село — Лотосы. Село это, по здешним понятиям, не очень велико: десять с небольшим лавок да несколько десятков домов, вытянувшихся вдоль улицы, мощенной темными каменными плитами. Дома стоят так тесно, что если в одной семье варят собачатину, то запах стоит по всей улице. Если чей-то ребенок споткнулся, выбил зуб или разбил чашку, то об этом моментально узнают все. Я уже не говорю о ссорах между супругами или о разговорах соседей — главной

пище для сплетен, насмешек и пересудов. Все страшно возбуждаются, бегают по селу, жалуются друг на друга, дают советы и долго не могут уговориться — совсем как стая переполошившихся уток. Когда день не базарный, то со всех этажей хозяйки высовывают из окон длинные бамбуковые шесты и сушат на них всевозможные рубахи, штаны, юбки, одеяла и прочее. Ветер с гор картинно развеивает эти разноцветные «флаги всех стран», а рядом, под каждой стрехой, висят связки красного перца, желтых кукурузных початков, бело-зеленых тыкв-горлянок... Под ними снуют и кудахчут куры, лают собаки, мяукают кошки — в общем, жизнь бьет ключом.

У жителей села есть привычка угощать друг друга. А поводов для таких угощений в году полно: в третий день третьего месяца по лунному календарю, в день поминовения усопших, пекут расписные пряники; в восьмой день четвертого месяца варят на пару мясо с рисом; в пятый день пятого месяца, во время праздника начала лета, лепят сладкие пирожки из клейкого риса и пьют желтую полынную настойку; в шестой день шестого месяца снимают ранние огурцы и «грушевые тыквы»; в седьмой день седьмого месяца пробуют ранний рис; в восьмом месяце, в праздник осени, пекут лунные пряники; в девятом месяце, во время осеннего равноденствия, собирают хурму; в десятом, называемом «месяцем золотой осени», устраивают свадьбы; в восьмой день последнего месяца варят рисовую кашу с восемью бобами, а в двадцать третий день провожают на небо Цзаована — бога домашнего очага... И хотя во всех семьях набор продуктов почти один и тот же, каждая хозяйка

непрерывно положит в кушанье что-нибудь свое, да и приготовит его по-своему, так что разница все-таки есть. Получается нечто вроде кулинарного конкурса, на котором самое приятное — похвала соседей. Да и в обычные дни, приготовив что-нибудь вкусное — скажем, мясной суп из голов или ножек, — сельчане обязательно угощают соседских детишек. Те торжественно несут добычу в свой дом, дают попробовать родителям, а потом мать с ребенком идут к соседке посидеть и поговорить. Это считается лучшей благодарностью за угощение.

Само по себе село Лотосы невелико, но в базарные дни сюда стекаются тысячи людей. И собираются они не столько на главной улице, вымощенной каменными плитами, сколько на просторной площади за домами, обращенной к реке. Еще до революции тут поставили черепичный навес на каменных столбах, а напротив соорудили ярко размаляванный помост для торговцев и для ярмарочных представлений. По старому обычаю базарные дни устраивали на третий, шестой и девятый день каждой декады, то есть девять раз в месяц; так было и в первые годы после революции. Здесь собирались жители всех восемнадцати уездов трех провинций: китайские торговцы, охотники народности яо, крестьяне, лекари, разносчики-коробейники и все кому не лень. Торговали свиньями, коровами, овощами, фруктами, ароматными грибами сянгун и съедобными древесными грибами, называемыми «древесные ушки», живыми змеями и обезьянами, трепангами и прочими дарами моря, галантереей, хозяйственной мелочью, всевозможными кушаньями и напитками. Люди заполняли всю площадь, толкались, разговари-

вали, гомонили. С горы рынок выглядел как сплошное море косынок, головных платков, соломенных шляп, а в дождливый день — мохнатых травяных накидок, матерчатых зонтиков и зонтов из промасленной бумаги. Казалось, будто люди не ходят по земле, а плавают в этом море.

Многие в Долине лотосов кормились рынком — от продавцов холодной воды до зубных лекарей. Рассказывают, что один бедняк здесь разбогател, собирая навоз от свиней и коров. Но в 1958 году, во время «большого скачка», все были брошены на кустарную выплавку чугуна и стали, которая должна была прославить нас на весь мир не меньше, чем запуск спутника Земли. К тому же из района и уезда была спущена бумага, ограничивающая частную торговлю, называющая ее отрывкой капитализма, и рынок в Лотосах стали открывать сначала раз в неделю, потом раз в декаду и в конце концов раз в полмесяца. Считалось, что если рынок ликвидирован, то социализм у нас уже построен и мы приближаемся к коммунистическому раю, вот только господь бог, погода и природа не благоприятствуют да мешают всякие империалисты и ревизионисты. Короче говоря, порог у коммунистического рая оказался слишком высоким, преодолеть его с помощью «большого скачка» мы не смогли, а, напротив, свалились с небес на землю, прямо в нищету общественных столовых, где в котлах варились одни пустые щи. Во время редких базарных дней на рынке торговали только мякиной, плодами разных дичков, съедобными кореньями да грибами. С голоду люди желтеют и пухнут, а лошади тощат и обрастают гривой. Вот народ и пух, как от водянки, а настоящие торговцы за-

были дорогу к рынку — на нем процветали лишь воры, грабители, шулера и проститутки... В конце 1961 года уездные власти прислали новую бумагу, пошли на послабление, разрешив устраивать базар раз в пять дней. Но торговать было почти нечем, и рынок в Лотосах уже не смог стать прежним — местом сбора тысяч людей из восемнадцати уездов.

Теперь этот рынок славился не своими мясными рядами, а лотком местной уроженки Ху Юйинь, торговавшей рисовым отваром с кусочками соевого сыра. Это была молодая красивая женщина лет двадцати пяти или двадцати шести, и все, кто, сидя, стоя или пригостившись на корточках, поглощал ее еду, звали ее сестрицей Лотос. Некоторые в шутку называли ее даже волшебницей, это было, конечно, преувеличением, но несомненно, что все с удовольствием смотрели на ее круглое, как полная луна, лицо, большие глаза, черные брови, крепкую грудь и живую, подвижную фигурку. Заведующий сельским зернохранилищем Гу Яньшань говаривал, что она белизной и мягкостью вполне может сравниться с соевым сыром, которым знаменит ее лоток.

Лотос относилась ко всем покупателям — и знакомым, и незнакомым — с исключительным радушием, даже сердечностью. Любого, пусть самого распоследнего человека она встречала улыбкой и приговаривала:

— Может, еще мисочку? Отвару добавить?

— Счастливого пути, не споткнитесь! И еще заходите!

Посуда у нее всегда была чистая, порции большие, специй сколько хочешь, растительного масла тоже больше, чем на соседних лотках. За миску отвара

с сыром она брала всего один цзяо¹, отвару добавляла без разговоров, поэтому у ее лотка всегда толпился народ.

«Настоящая торговля держится на приветливости», «покупатель за покупателем — будет и еда и платье» — такие наставления получила Ху Юйинь от родителей. Рассказывают, что ее матери в молодости пришлось торговать собой в портовом городе, но потом она бежала из публичного дома вместе с одним приказчиком. Супруги обосновались здесь под другой фамилией. Они открыли небольшой постоялый двор для торговцев и, будучи уже в возрасте, возжигали ароматные свечи перед Буддой, чтобы он послал им ребенка. Наконец у них родилась Ху Юйинь — единственная дочь, которую они и называли-то в честь бодхисаттвы Гуаньинь, покровительницы деторождения. В 1956 году, вскоре после перехода постоянного двора в смешанную государственную частную собственность и замужества Ху Юйинь, ее родители умерли. В то время в деревне еще не существовало разделения на крестьян и служащих, поэтому Ху Юйинь и ее муж входили в сельскую производственную бригаду и считались крестьянами. Торговлей она занялась лишь в последние два года и несколько стеснялась этого. Сначала, как и многие, она торговала мякиной, мукой из папоротника, потом перешла к овощам, в том числе к батату, и, наконец, открыла свой лоток. Она вовсе не собиралась продолжать родовое дело, а просто в трудное время пыталась прокормиться как умела.

¹ Разменная китайская монета, одна десятая юаня. Чаще произносится «мао».